

Российская академия наук
Институт психологии

Разработка понятий современной психологии

Ответственные редакторы:

Е. А. Сергиенко,

А. Л. Журавлев

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9

ББК 88

Р 17

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*Г. А. Виленская (уч. секр.), А. Л. Журавлев (отв. ред.), Е. И. Лебедева,
Е. А. Никитина, Е. А. Сергиенко (отв. ред.), А. Ю. Уланова*

**Р 17 Разработка понятий современной психологии / Отв. ред.
Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. — М.: Изд-во «Институт пси-
хологии РАН», 2018. — 702 с. (Методология, теория и история
психологии)**

ISBN 978-5-9270-0376-1

УДК 159.9

ББК 88

Коллективный труд сотрудников Института психологии РАН посвящен рассмотрению современных психологических понятий в сетевой парадигме. Представлено широкое разнообразие понятий, разрабатываемых в современной психологии, показано, что они отвечают постмодернистской методологии и отражают новый этап в развитии психологической науки. Книга адресована профессиональным психологам, философам, социологам и всем, кто интересуется методологическими вопросами науки.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2018

ISBN 978-5-9270-0376-1

Содержание

<i>А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко.</i> Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа	5
---	---

Раздел 1 ПОНЯТИЯ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Н. Е. Харламенкова.</i> Индивидуальный субъект в психологии	63
<i>А. Л. Журавлев.</i> Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии	116
<i>В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев.</i> Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета.	162
<i>В. П. Позняков.</i> Психологические отношения человека: история понятия и его разработка в современной психологии	186
<i>М. А. Холодная.</i> Основные теоретические линии формирования понятия «интеллект»: ретроспективный анализ	214
<i>Е. А. Валуева, А. А. Медынцев, Д. В. Ушаков.</i> Развитие представлений об инсайте: главные вехи большого пути.	245

Раздел 2 ПОНЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОТРАСЛЯХ ПСИХОЛОГИИ

<i>Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, А. Ю. Уланова.</i> Модель психического – способность понимания мира людей	269
<i>Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская.</i> Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции	343
<i>Т. П. Емельянова.</i> Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии.	379
<i>Т. А. Нестик.</i> Коллективный образ будущего	401

<i>Т. А. Гребенщикова, И. А. Зачёсова, Н. Д. Павлова.</i> Развитие понятия «дискурс» в психологии речи и психолингвистике	431
<i>Н. Д. Павлова.</i> «Интенция» как психологическая и психолингвистическая категория	445
<i>А. Н. Воронин.</i> Дискурсивные способности: конструкт, эмпирические исследования, направления развития	461
<i>Е. В. Волкова.</i> Вопросы определения и измерения специальных способностей	482
<i>В. А. Толочёк.</i> Стили деятельности	508

Раздел 3

ПОНЯТИЯ В ПРИКЛАДНЫХ ОТРАСЛЯХ ПСИХОЛОГИИ

<i>А. В. Махнач.</i> Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы	533
<i>Е. А. Сергиенко.</i> Субъективный возраст человека – расширение понятия возрастной идентичности.	561
<i>Н. Е. Харламенкова.</i> Психологический смысл понятия «компенсация» в истории науки и в современных исследованиях.	592
<i>М. И. Воловикова, Т. В. Галкина.</i> Разработка понятия «психологическое здоровье» в российской психологии	617
<i>А. Л. Журавлев, А. В. Юревич.</i> Счастье как психологическая категория	631
<i>А. В. Юревич.</i> Патриотизм как психологический феномен и понятие	650
Аннотации	675
Сведения об авторах	698

Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции

Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Проблема саморегуляции в современной психологии становится ключевой. При изучении разнообразных психических процессов, функций, феноменов, способностей человека исследователи все чаще задаются вопросом: как все это многообразие психического реализуется в реальной жизни, что определяет адаптацию человека в обществе, его эффективность, успешность и полноту реализации своих возможностей? От чего зависит ощущение себя счастливым и благополучным или, напротив, несчастным и неудачливым? Почему при сходных предпосылках одни люди добиваются успеха, а другие испытывают материальные затруднения, страдают от зависимостей, конфликтуют с законом? Поиск ответов на эти вопросы требует комплексного и межпарадигмального подхода в психологии, обращения к понятиям системного характера. Одним из таких ключевых системных понятий в последние 20 лет становится саморегуляция. Саморегуляция направлена на изменение собственного поведения, собственных реакций или внутренних состояний. Обычно это процесс отвержения, подавления одной реакции или одного поведения и замещения его менее привычным, но релевантным, желаемым ответом или поведением. Она включает также способность сдерживать удовлетворение желаний или потребностей. Развитие саморегуляции, возможно, становится центральным шагом в эволюции и принципиально человеческой характеристикой. Саморегуляция связана с избирательностью (свободой выбора) как внешнего окружения, так и собственного ответа или поведения.

Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2018-0007.

Не вызывает сомнений, что способность к саморегуляции развивалась в эволюции, все больше усиливая свои произвольные (волевые) аспекты. При обсуждении принципиальных отличий животных от человека (Сергиенко, 2006) отмечалась способность людей к созданию внеситуативных ментальных моделей, регулирующих поведение, способность ставить сильно отсроченные цели и организовывать поведение для их достижения.

Контроль поведения

Предлагаемый нами конструкт контроля поведения — это попытка разработки проблем саморегуляции с новых системно-субъектных позиций. *Контроль поведения мы понимаем как психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля* (Сергиенко, 2009; Сергиенко и др., 2010). Термин «контроль поведения» подчеркивает именно психологический уровень в организации регуляции, поскольку термин «регуляция» используется очень широко: регуляция напряжения, кровяного давления, питания и т. д. Термин «саморегуляция» указывает в большей степени на уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения, который, как мы считаем, имеет предшествующие более низкие уровни и основания.

Наша гипотеза контроля поведения релевантна представлениям о единстве когнитивных, аффективных и волевых психических процессов (Рубинштейн, 2003; Выготский, 1983; Веккер, 1998; Mandler, 1975; Plutchik, 1980; и др.). Аргументами в пользу единства интеллекта, аффекта и воли могут служить не только психологические исследования, демонстрирующие их тесную связь, но и данные нейронауки, показавшие важнейшую роль системы префронтальной коры и связанных с ней других корковых и подкорковых образований в регуляции поведения.

Кроме того, в регуляцию поведения, включая саморегуляцию субъекта, вовлечены всегда, но в разной мере, уровни как сознательной, так и неосознанной регуляции, составляющие единую систему. В контроле поведения реализуется интегративная индивидуальность человека. Индивидуальность человека не возникает внезапно, а формируется шаг за шагом, опираясь на его генетико-средовую уникальность: индивидуальный генотип и средовой опыт, уникальность его психической организации.

Эта индивидуальность предполагает наличие определенных *ресурсов*, способностей индивида: его интеллектуального потенциала (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, ментально планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию своих эмоций и эмоций Другого), способности к произвольной организации действий, волевых усилий.

Понятие контроля поведения сформировано с опорой на три теоретические положения. Первое основывается на единстве, неразрывности когнитивных, эмоциональных и исполнительных (действий) компонентов психической организации. Второе принципиальное положение состоит в том, что именно субъект как носитель психического реализует взаимодействие данных компонентов. Согласно третьему положению, субъект всегда индивидуален. Это означает, что организация трех компонентов контроля поведения у каждого человека будет обладать своей спецификой.

Таким образом, контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

В рамках контроля поведения мы выделяем три компонента: когнитивный контроль, эмоциональный контроль и волевой контроль.

Когнитивный контроль – это особенности интеллектуальных, когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуации и событий и оперирование ими. В когнитивный контроль мы включаем особенности меры интеллекта (от перцептивного анализа до создания ментальных схем), и стилевые когнитивные способности, обозначаемые традиционно как когнитивные контроли. Мы согласны с М. А. Холодной (Холодная, 2002) в определении интеллектуальных ресурсов как совокупности меры интеллектуальных способностей и метакогнитивной способности индивидуальных когнитивных стилей.

Эмоциональный контроль включает контроль выражения эмоций, контроль эмоционального состояния, способы регуляции эмоциональных состояний, распознавание, интерпретацию и прогнозирование собственных эмоций и эмоций другого. Эмоциональная ре-

Раздел 2

гуляция – это, прежде всего, способность справляться со стрессом, вызванным внешними воздействиями, и регулировать собственный уровень эраузала. Процесс регуляции эмоций также может протекать на разных уровнях.

Третья подсистема контроля поведения – *произвольный/волевой контроль* – также опирается на индивидуальный ресурс человека. Становление произвольности исполнительных действий, поведения, подчинение определенным целям, стандартам, смыслам проходит длительный путь развития в онтогенезе человека. Однако произвольность связана с развитием префронтальной кортикальной системы, обеспечивающей тормозный контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий, интеграцию информации. В раннем возрасте он существует в виде контроля действий как контроля поведенческих проявлений, управления построением целостного поведенческого акта.

В наше определение контроля поведения включаются все основные характеристики, рассматриваемые в литературе как имеющие отношение к регуляции и саморегуляции, и они объединяются как компоненты единой субъектной способности к организации психологического ресурса для осуществления целенаправленного поведения.

Контроль действий как субъектная функция подчиняется принципам системно-субъектного подхода (Брушлинский, 2006; Сергиенко, 2006, 2011): принципам континуальности, целостности, антиципации. Поскольку субъект является качественно определенным способом самоорганизации и саморегуляции, центром координации всех психических процессов, состояний и свойств (Брушлинский, 2003), контроль поведения осуществляется путем специфической организации и использования индивидом всех доступных ему ресурсов для достижения цели.

Таким образом, интегративная категория контроля поведения возникла не случайно. Она отвечает вызовам психологической науки, накоплению значительного массива психологических знаний о регуляции и саморегуляции поведения и деятельности человека, его внутренних состояний. Данная категория – это попытка объединить, сочетать в едином конструкте разнообразные и разноуровневые представления.

Наша позиция в данном вопросе пересекается с решением, предложенным в работах Т. В. Корниловой (2016) и С. Д. Смирнова (2016). Обобщая экспериментальные исследования, Т. В. Корнилова приводит веские аргументы для гипотезы о многоуровневой множест-

венной гетерархической регуляции решений и выборов человека. С. Д. Смирнов демонстрирует взаимосвязь толерантности к неопределенности с образом мира как ментальным внутренним посредником отношений человека, проявления его способностей и принятия решений. Он предполагает также, что активным механизмом преодоления неопределенности, способствующим изменению толерантности, является выдвижение человеком гипотез и вследствие этого — изменение образа мира. Данная гипотеза ставит вопрос о субъектной активности человека, предвидении и антиципации во взаимодействии с миром (Смирнов, 2016). Таким образом, с разных теоретических позиций ученые приходят к сходным представлениям о многоуровневой гетерархической системе регуляции, осуществляемой активным субъектом.

Разработка гипотезы контроля поведения как регулятивной функции субъекта вписывается в контекст данных гипотез, но сохраняет свое своеобразие в рамках системно-субъектного подхода, соединяющего ипостаси человека — субъекта и личности в едином реципрокном взаимодействии, в котором личность направляет выбор, а субъект его санкционирует и реализует согласно своим индивидуальным способностям.

Сравнение с другими понятиями

Подходы к исследованию саморегуляции многочисленны и разнообразны, но, как правило, фокусируются на каком-то одном аспекте, например, на регуляции когнитивных процессов: исполнительных функциях (executive functions), регуляции внимания, контроле усилий (effortful control) — способности фокусироваться на релевантном стимуле, отфильтровывая иррелевантные, и тормозить доминирующие ответы в пользу недоминантного поведения (Rothbart, 1989; Eisenberg et al., 2004).

К когнитивно-ориентированным концепциям саморегуляции относится, например, *структурно-функциональный подход*, предложенный О. А. Конопкиным и развиваемый В. И. Моросановой в концепции индивидуального стиля саморегуляции.

В этом подходе модель системы регуляции построена по аналогии с поэтапной информационной обработкой, но средствами человеческой психики. Регуляция осуществляется при помощи основных процессов: планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также регуляторно-личностных свойств — гибкости и самостоятельности.

Данная модель описывает только произвольные и осознанные уровни регуляции деятельности. Но известно, что осознанная регуляция требует больше ресурсов – и энергетических, и временных и психологических. Спонтанная активность человека реализуется в большей степени на уровне неосознанной регуляции, а деятельность не подвергается постоянной рефлексии. Уточнение, что процессы саморегуляции должны быть только в принципе осознаваемы, и не обязательно осознаются актуально (Моросанова, 2010), только усложняет картину, так как полнота осознания в большой степени зависит от способности субъекта к рефлексии.

Еще одно ограничение данной модели связано с тем, что в нее не включена эмоциональная регуляция, хотя любая информация, которую использует человек, вызывает у него определенное отношение (принцип единства сознания и переживания, по С.Л. Рубинштейну). Сам автор структурно-функционального подхода отмечал, что понимание сути саморегуляции существенно возросло бы при опоре на теоретическое представление о системно-организованном процессе, имеющем закономерную внутреннюю структуру (Конопкин, 1995). Саморегуляция в рассматриваемой модели выступает скорее как частный случай регуляторной функции субъекта, а именно как саморепрезентируемый, рефлекслируемый когнитивный компонент.

Открытым вопросом структурно-функционального подхода остаются проблемы развития саморегуляции в онтогенезе.

В последние десятилетия в зарубежной психологии интенсивно разрабатывается представление об *исполнительных функциях* (executive functions), которые тесно связаны с процессами саморегуляции и рассматриваются как базовая основа способности к самоконтролю. Исполнительные функции (ИФ) – общий термин для когнитивных процессов, которые регулируют, контролируют другие когнитивные процессы и управляют ими.

Одной из наиболее влиятельных моделей ИФ является *комплексная иерархическая модель* исполнительных функций Ф. Зелазо и Д. Фрая (Zelazo, Frye, 1997). Вводятся понятия когнитивной сложности и контроля, которые иерархически усложняются по мере развития. Вместе они отражают общее развитие сознания: от осознания разрозненных знаний к интеграции в общую, сложную систему правил, что означает другой уровень рефлексии, лучшее управление мыслями и действиями. Однако и эта модель, хотя и носящая системно-интегративный характер, остается в большой степени когнитивной, не включает аффективно-мотивационные и волевые аспекты регуляции, хотя в последнее время это представление расширяется за счет

включения так называемых «горячих» (hot) регуляторных функций, связываемых с эмоциональными и мотивационными аспектами регуляции (Zelazo, Carlson, 2012).

Следует отметить, что контроль поведения по содержанию шире понятия «исполнительные функции» и по своему определению включает не только когнитивную, но и эмоциональную, и волевую регуляцию, являясь субъектной функцией, имеющей три взаимосвязанные подсистемы; таким образом, проблема взаимосвязи когнитивной и эмоциональной регуляции, столь актуальная в исследованиях ИФ и имеющая в рамках этого подхода лишь эмпирические доказательства, здесь решена на концептуальном уровне. Сопоставляя два этих подхода, можно предложить вариант их совмещения, при котором ИФ рассматриваются как операционализация контроля поведения, своеобразные «ментальные инструменты», при помощи которых субъект осуществляет саморегуляцию. Изучение ИФ как операциональных показателей контроля поведения может дать дальнейший импульс в исследовании обоих этих конструкторов.

Более целостный подход к анализу регуляции в процессе взаимодействия субъекта и его жизненных условий предлагается в *когнитивно-мотивационной концепции совладания со стрессом* Р. Лазаруса (Lazarus, 1999), хотя когнитивным процессам и здесь придается решающее значение.

Согласно подходу А. Лазаруса, способность личности к совладанию с трудными ситуациями определяется функционированием мультимодальной системы, всесторонне отражающей ситуацию. Травмирующие события первоначально оцениваются на сенсорном уровне, затем подвергаются первичной когнитивной оценке, а затем возникают эмоции определенного качества. Выбор стратегии совладания зависит от развитости механизма вторичного когнитивного оценивания, что, в свою очередь, связано с уровнем эмоционального контроля, уверенности в себе и помощи других, способности актуализировать весь свой жизненный опыт (Лазарус, 2001; Либина, 2008).

Данная концепция опирается на когнитивные оценки ситуации и, хотя возможности совладания со стрессом связаны в ней с личностными ресурсами, но без конкретизации. Наличие эмоциональных компонентов регуляции признается, но не уточняется их состав и роль. Совладающие стратегии, обеспечивающие саморегуляцию, никак не соотносятся с индивидуальностью человека, его ресурсами.

В большей мере индивидуальные особенности человека, возможные ресурсы саморегуляции учитываются в *модели когнитивной регуляции* Л. Пуллкинен. Согласно этой модели, в ситуации, требующей

Раздел 2

контроля эмоционального состояния, выделяются два основных параметра: поведенческие реакции (подавление или активация поведения) и эмоциональные проявления (нейтрализация или интенсификация эмоций) (Pulkkinen, 1992, 2006, 2009; Pulkkinen et al., 2009), образующие четыре основные стратегии регуляции, различным образом сочетающие интенсификацию и подавление эмоций и поведения.

Среди факторов, влияющих на процесс и результат развития самоконтроля, Л. Пуллкинен называет индивидуальные особенности человека (темперамент, точность социальной перцепции) и внешние факторы (стиль родительской социализации, отношения с родителями, социально-экономический статус родительской семьи).

Модель регуляции поведения Пуллкинен позволяет выделить определенные типы регуляции поведения и предсказать на основе лонгитюдных исследований уровень и характер социальной адаптации взрослого человека, причем низкий самоконтроль оказывается фактором риска, а высокий самоконтроль, наоборот, ресурсом для успешности социального функционирования и психологического благополучия. Ценность модели Л. Пуллкинен состоит также в том, что она учитывает разнообразные источники детерминации регуляции поведения, хотя и не приводит подробного анализа вклада каждого из них. В то же время рассмотренная модель несколько упрощает и обедняет многообразие проявлений контроля поведения, сводя его только к контролю над социально нежелательными эмоциями и поведением.

Более комплексное представление о саморегуляции реализует в *когнитивно-динамическом подходе* Ж. Нюттен (2004). Основное понятие здесь – временная перспектива, интегрирующая прошлое, настоящее и будущее в психологическом жизненном пространстве индивида. Перспектива будущего (ПБ) – показатель того, как и в какой степени ожидаемое будущее становится частью настоящего жизненного пространства и действует на мотивацию достижения близких и отдаленных целей.

Дж. Нюттен полагал, что система потребностей, активизирующая когнитивно-мотивационные процессы целеполагания, активизирует и исполнительную фазу поведения через рассогласование между целью и результатом. Инструментальная мотивация выступает, следовательно, формой самодетерминирующей регуляции поведения.

В данном подходе есть два момента, близких к идее контроля поведения, – соотношение личностных целей и исполнительных стратегий по их достижению, сходное с соотношением субъекта и лич-

ности в системно-субъектном подходе (Сергиенко, 2011), и единство когнитивных и мотивационных аспектов в произвольном и непроизвольном построении поведения и его регуляции. Однако процесс трансформации целеполагания в действие в данной концепции недостаточно ясен, так как обеспечивающие его волевые процессы Дж. Нюттен рассматривает недостаточно.

Волевые процессы находятся в центре подхода В. А. Иванникова, который под *волевой регуляцией* понимает регуляцию побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости. Психологическим механизмом при этом является намеренное изменение или создание дополнительного смысла действия. Таким образом, волевая регуляция — это сознательный личностный уровень регуляции, опосредованный знаниями человека о мире, собственных ценностях и возможностях (Иванников, 2006). Иванников, как и О. А. Конопкин и В. И. Моросанова, подчеркивает сознательность регуляции, что позволяет задать те же вопросы о роли неосознаваемых процессов в регуляции и онтогенезе регуляторных процессов. Онтогенез воли и произвольности рассматривается в работах Е. О. Смирновой (2015). С ее точки зрения, развитие произвольности — развитие средств овладения собой и своим поведением — фактически отождествляется с формированием опосредованного поведения. Движущей силой этого процесса является взрослый, становящийся посредником между ребенком и культурным содержанием. В этих подходах не учитывается роль индивидуальности человека, ведущая роль отводится средовым (воспитательным) воздействиям. Неясным остается взаимодействие волевой регуляции с другими аспектами саморегуляции: эмоциональными, когнитивными.

Попытка учесть неосознаваемые аспекты регуляции, в частности волевой, осуществляется, например, в *концепции контроля за действием* Ю. Куля (Kuhl, Fuhrmann, 1998). Волевою сферу Ю. Куль понимает как систему, состоящую из автономных подсистем: самоконтроля и саморегуляции, которые гибко функционируют, взаимодействуют и обеспечивают удержание намерения в активном состоянии. Самоконтроль предполагает осознанную борьбу мотивов, требующую дополнительных усилий по поддержанию активности и эмоциональной напряженности. Для саморегуляции же характерно непроизвольное внимание к цели, отсутствие усилий по поддержанию активности, связь эмоций с настоящими результатами действия, а не с прошлым опытом, эмоциональная напряженность, не превышающая операциональную. При этом типе регуляции препятствия вызывают непроизвольное увеличение усилий.

Раздел 2

Однако данная концепция не рассматривает развитие контроля за действием в онтогенезе, не объясняет причины, по которым возникает та или иная ориентация. Остается неясным, каким образом происходит содружественное взаимодействие самоконтроля и саморегуляции на уровне индивидуальности субъекта, т. е. как внутренняя психическая организация детерминирует этот процесс (см.: Шапкин, 1997).

Работы Т. Гошке о *произвольном и непроизвольном контроле* (Goshke, 2008) развивают идеи Ю. Куля. Он определяет две взаимодополняющие функции когнитивного контроля, лежащего в основе произвольного действия: это гибкость и реконфигурация (позволяющие разнообразно реагировать на одни и те же стимулы, изменять predisposition к ответу) и постоянство и защита (удержание цели и «защита» ее от конкурирующих или отвлекающих стимулов). Обе они имеют свои преимущества и недостатки, поэтому центральный вопрос состоит в том, как регулируется равновесие между стабильностью и гибкостью, какие условия вызывают усиление или ослабление защиты цели.

Баланс между противоположными процессами когнитивного контроля находится под влиянием эмоциональных состояний. Негативные эмоции способствуют усилению целевых действий (т. е. стабильности), тогда как позитивные усиливают гибкость и переключаемость контроля. Механизмы эмоционального влияния остаются неизвестными, однако Т. Гошке подчеркивает, что интеграция изучения когнитивного контроля с исследованием эмоциональных и мотивационных процессов будет способствовать огромному продвижению исследований произвольных действий. Значительное внимание он уделяет изучению индивидуальных различий, особенно в связи с генетико-средовыми вариациями нейромодуляторных систем.

Для нашего понимания контроля поведения чрезвычайно важны разработки Т. Гошке, поскольку они дают весомые основания для обнаружения тесной связи когнитивного контроля, эмоциональной регуляции и произвольного/волевого контроля.

Довольно часто в отдельную тему выделяется саморегуляция эмоций, определяемая как процесс управления эмоциональным возбуждением (Calkins, 2004), или процесс контроля и оценки аффективных состояний и действия по управлению интенсивностью и длительностью аффекта (Larsen, Prizmic, 2004). Достаточно влиятельной концепцией эмоциональной регуляции является, например, *процессуальная модель эмоциональной регуляции* Дж. Гросса (Gross, 2014). Спектр регуляции эмоций рассматривается на временном континууме возникно-

вения и развития эмоции. Для каждого этапа развертывания эмоции существует собственный класс стратегий эмоциональной регуляции. Всего их пять: выбор ситуации, модификация ситуации, распределение внимания, когнитивное изменение и модуляция ответа. Хотя согласно данной концепции и предполагается связь эмоциональной регуляции, например, с когнитивными процессами, однако совсем не рассматриваются, например, волевые процессы

Проблема саморегуляции часто изучается в тесной связи с проблемой принятия решения или выбора. Выбор нельзя отделить от процессов саморегуляции деятельности, охватывающих самые разные аспекты — от простого или более автоматического выбора до экзистенциального.

Анализируя проблему принятия решений, Т. В Корнилова (2007), указывает на значение *интеллектуально-личностного потенциала*, включающего не только когнитивные аспекты, задействованные в принятии решения, но и личностно-мотивационные компоненты этого процесса, готовность и умение человека использовать свои возможности.

Д. А. Леонтьев (2002, 2011), А. Г. Асмолов (2001), Б. С. Братусь (1999) также рассматривают личностную детерминацию процессов регуляции и саморегуляции человека, ведущую роль смысловых образований. За саморегуляцию, по мнению Д. А. Леонтьева, отвечает такая структура, как *личностный потенциал*, организующий отношения личности с миром в качестве ведущей, стержневой системы. К ключевым его характеристикам относятся самодетерминация, жизнестойкость, ориентация на действие и самоэффективность. Личностный потенциал включает три подсистемы: потенциал самоопределения (способность субъекта действовать в неопределенности); потенциал достижения (способность успешного достижения целей) и потенциал сохранения (способность субъекта противостоять внешним давлению, сохраняя свою целостность). В концепции психологии выбора объединяются разные уровни осознанности, произвольности и даже постпроизвольности, характерной для автономного выбора как проявления внутренней свободы.

Хотя концепция личностного потенциала базируется на деятельностной, культурно-исторической теории и экзистенциальной парадигме, по сути, она представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа, в качестве основ субъектного выбора, саморегуляции, самодетерминации рассматривается взаимодействие личностных и субъектных составляющих личностного потенциала. Процесс

выбора – это самоконструирование субъекта, его саморазвитие. Авторы постоянно оперируют понятиями «субъект», «личность», хотя не разводят данные понятия.

Среди подходов к изучению саморегуляции можно выделить интегративные подходы, например, *концепцию регуляции состояний* А. О. Прохорова и системно-деятельностную концепцию психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикой.

Возникающие в процессе функционирования человека неравновесные состояния, образующиеся при нарушении симметрии между организмом и средой, требуют регуляции. Регуляция психических состояний отражена в системно-функциональной модели, основными составляющими которой являются рефлексия переживаемого состояния, осознанный образ желаемого состояния, актуализация соответствующей мотивации и использование психорегулирующих средств.

Эффективное функционирование субъекта на основе устойчивого взаимодействия психических процессов и психологических свойств обеспечивается интегрирующей функцией состояний, образующей психологический строй личности «свойства—состояния—процессы». Одновременно с этим при усилении неравновесности субъект проявляет качества, характеризующие его в наибольшей степени, например, волевые или эмоциональные способности (Прохоров, 2005, 2009). Однако одинаковые по сложности и тяжести ситуации у различных людей приводят к возникновению различных неравновесных состояний, а при возникновении одинаковых состояний время и способы нормализации могут значительно варьировать. Так, самим автором приводятся данные о таких различиях в возрастных и гендерных способах регуляции состояний (Мурзиев, Прохоров, 2002). Представляется, что А. О. Прохоров в своей теории выдвигает необходимое, но не достаточное условие для организации саморегуляции.

Концепцию психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикая разработала на базе теоретико-экспериментального анализа характеристик саморегуляции в экстремальных условиях профессиональной деятельности. В ее основе лежат представления об иерархической структуре саморегуляции субъекта, межсистемном взаимодействии механизмов произвольной и произвольной саморегуляции психических состояний, целенаправленной активности и личностных уровнях организации субъекта деятельности (Дикая, 2003). Межсистемное взаимодействие определяет эффективность саморегуляции функциональных состояний, при этом произвольная саморегуляция более эффективна в условиях нормального протекания

ния деятельности и на начальных этапах экстремальной деятельности, тогда как произвольная саморегуляция – на более поздних этапах. Такое взаимодействие включает когнитивный, эмоциональный и активационный компоненты. Индивидуальные стили саморегуляции функциональных состояний определяют преобладание и эффективность разных ее форм: волевой, эмоциональной, непроизвольной и произвольной психофизиологической, личностной.

Выделяемые Л. Г. Дикой компоненты в структуре саморегуляции, континуум форм саморегуляции от непроизвольной до произвольной и осознанной близки нашему представлению о контроле поведения.

Перекликается с концепцией контроля поведения и нашими представлениями о ментальных механизмах, лежащих в его основе, и представление Л. Г. Дикой о психическом образе как ментальном механизме саморегуляции. Однако мы полагаем, что репрезентация цели деятельности, где существуют и объект, и действия в самом общем виде, может быть как осознанной, так и неосознанной, т. е. она представлена на всех уровнях организации систем регуляции и, шире, их взаимодействия.

Разделяется нами и представление о континуальности и интегративности психической саморегуляции, где низшие и высшие уровни составляют единое целое и взаимозависимы.

Системная концепция психической регуляции Л. Г. Дикой значительно шире концепции саморегуляции О. А. Конопкина и В. И. Моросановой, поскольку охватывает всю иерархию уровней саморегуляции. Она включает и психофизиологический уровень, и уровень ценностно-мотивационный, задаваемый личностью.

Сравнивая подход к саморегуляции состояний Л. Г. Дикой и А. О. Прохорова, можно выделить общие черты и особенности двух этих подходов. Общим для авторов является возможность высшего личностного уровня регуляции состояний. Но раскрывается эта возможность влияния у авторов различно. Представления о неравновесных состояниях А. О. Прохорова фактически указывают на механизм изменений организации личности, тогда как Л. Г. Дикая описывает условия, когда регуляция личностно-мотивационного уровня может быть эффективна. Два подхода могут рассматриваться как взаимодополнительные в понимании саморегуляции функциональных состояний.

Близки нашему пониманию контроля поведения представления В. А. Бодрова о *регуляции стресса* (Бодров, 2006). Среди теоретических положений его подхода необходимо отметить мысль о том, что процессы регуляции психических состояний и, в частности стресса и его

преодоления, зависят от уровня несоответствия между субъективным отражением трудной ситуации и ее объективным состоянием. Это представление о «проблемности» как психологическом явлении подчеркивает роль активности субъекта в восприятии окружающего мира и в выборе действий в конкретной ситуации. Хотя В. А. Бодров описывал преимущественно когнитивные механизмы преодоления стресса, однако признавал возрастание роли не только когнитивных, но и личностных ресурсов человека. Другое положение, важное для нашего понимания контроля поведения, касается понятия об адаптационных психологических ресурсах и функциональных резервах психики. Он исследовал некоторые закономерности мобилизации этих ресурсов для преодоления стресса и предложил классификацию ресурсов.

Представление о психологических ресурсах человека в связи с саморегуляцией, идея о саморегуляции как актуализации определенных ресурсов представлена в ряде отечественных и зарубежных работ (Леонтьев, 2006; Корнилова, 2007; Холодная, 2002; Петровский, 2007; Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007; Psychology of self-regulation, 2009; и др.).

Так, М. А. Холодная (2002) выдвинула гипотезу о *произвольном и непроизвольном интеллектуальном контроле*, рассматривая когнитивные стили и другие ментальные структуры как ресурсы для регуляции активности. Однако здесь ресурсы фактически ограничены интеллектуальными, а эмоциональная и произвольная регуляция становятся производными от когнитивного контроля. Более того, понятие о множественности ментальных структур нам представляется избыточным и недостаточно обоснованным, поскольку трудно себе представить существование отдельных психических структур для произвольного и непроизвольного когнитивного контроля, убеждений, предпочтений, умонастроений, когнитивных схем, понятий, способов переработки информации.

В *концепции личностного выбора* Д. А. Леонтьева вводится понятие «экзистенциального расчета», или осознания цены, которую субъект платит за совершенный выбор. Он состоит из ресурсов (материальных, физических, психических), знаний и умений, вложений целеполагания и целедостижения, отношений и репутации (социальная поддержка, связи), возможностей, самоотношения (сохранение и укрепление представлений о себе, своих возможностях, самоуважение) (Леонтьев и др., 2015).

В современной зарубежной психологии также существует представление о саморегуляции, основанной на ресурсах человека. Это

модель силы ресурсов (Strength model) Р. Баумейстера, Б. Шмейчеля и К. Вогс (Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007). Основные ее положения состоят в том, что существуют достаточно универсальные регуляторные ресурсы, запас которых ограничен, но они могут восстанавливаться.

Достоинствами указанной ресурсной модели является, во-первых, попытка интегративного подхода к процессам саморегуляции. Во-вторых, отнесенность возможностей саморегуляции к внутренним ресурсам человека. В-третьих, адресованность всех процессов саморегуляции к конструкту субъекта. Здесь следует заметить, что термин Self (самость) ближе по своему значению к понятию субъекта, чем личности, как полагает Д. А. Леонтьев и мн. др. Основанием для этого суждения могут служить работы С. Л. Рубинштейна (2003), А. В. Брушлинского (2003), М. Фуко (2007).

Недостатками модели силы ресурсов, на наш взгляд, является, прежде всего, упрощенность представлений о саморегуляции как истощении, что чрезмерно снижает понимание специфики процессов регуляции. В данной модели ресурсы понимаются почти физически как некая неоперационализируемая «энергия» и никак не специфичны для регуляции субъекта.

Наше понимание контроля поведения, которое опирается на ресурсы субъекта, адресовано, прежде всего, индивидуальным ресурсам. Поскольку субъект интегрирует все индивидуальные ресурсы человека, то именно он выступает системообразующим фактором всей системы регуляции.

Мы полагаем, что индивидуальность человека, включая его ментальный опыт (когнитивное представление о мире), определяет и саму деятельность, т. е. способность к самоорганизации, а следовательно, целостность на каждом определенном этапе развития существует до становления зрелой и сознательной системы саморегуляции, произвольной активности и служит основой для ее становления в дальнейшем.

Под *ресурсной основой контроля поведения мы понимаем индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые способности субъекта*. При этом выраженность выделенных ресурсов имеет сугубо индивидуальный паттерн, т. е. соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых способностей представлено у каждого человека в разных соотношениях. Это предположение ведет к гипотезе о своеобразии контроля поведения и своеобразии предпочитаемых стилей саморегуляции, к гипотезе связанности контроля поведения с психологическими защитами и типами совладающего поведения, поскольку все

Раздел 2

эти механизмы саморегуляции базируются на организации субъектности человека, что означает интеграцию всех индивидуальных ресурсов и особенностей человека.

Тесно связана с понятием саморегуляции и с вопросом наличия ресурсов и их актуализации проблематика жизнеспособности и жизнестойкости человека.

Жизнеспособность человека – интегративная психологическая характеристика, индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, способность человека строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях (Махнач, 2016). Саморегуляция и входящие в нее процессы (контроль поведения, психологические защиты, копинг) и жизнеспособность находятся в тесной взаимной связи, влияя друг на друга (Личностный потенциал..., 2011, Махнач, Лактионова, 2007).

Нельзя не согласиться с представлениями о жизнеспособности как метасистемном феномене, который, как в голограмме, отражает индивидуальные возможности человека сохранять самого себя, свои возможности жизнедеятельности. Однако, предлагая уровневую модель организации жизнеспособности, авторы фактически включают данную способность в высокоуровневую организацию индивидуальности человека (Лактионова, 2013; Леонтьев, 2006). Но тогда жизнеспособность становится достоянием только высокоорганизованной личности. Как же может развиваться жизнеспособность человека на разных этапах его развития, в том числе в детстве?

В нашей модели соотношения субъекта и личности на разных этапах развития единой системы «субъект – личность» функции субъекта и личности выражены специфически и образуют своеобразие индивидуальности, согласно возрастным уровням организации, социальным условиям и событиям. При таком решении не возникает вопроса только о зрелых формах жизнеспособности и жизнестойкости, а лишь об уровнях их характеристиках. В таком случае, говоря о жизнеспособности как интегративной способности к адаптации, можно предположить, что контроль поведения становится ее индивидуальным ресурсом, включенным в иерархическую психическую организацию индивидуальной (субъектно-личностной) регуляции (Сергиенко, 2007, 2016).

Проведенное сравнение выявляет тесное переплетение категорий жизнеспособности и контроля поведения. Обе категории являются интегративными характеристиками человека. Они направлены на целостное изучение возможности регуляции поведения для дости-

жения его адаптивных форм. Обе категории включают внутренние индивидуальные характеристики человека. Но они имеют и различия. Если жизнеспособность определяется как структурно-уровневая совокупность индивидуальных характеристик и внешних регулирующих условий (семейных и социальных) (Лактионова, 2010; Махнач, 2013), то контроль поведения определяется как психологический индивидуальный ресурс субъектной регуляции. Более того, контроль поведения выступает основой становления саморегуляции, используя индивидуально выраженные способности (ресурсы) человека.

Развитие контроля поведения не завершается никогда и на протяжении всей жизни человека претерпевает системные перестройки, изменяя индивидуальную конфигурацию субъектно-личностной организации, возможности и средства регуляции, уровень и способы жизнеспособности.

Проведенный анализ теорий, гипотез и точек зрения на процессы саморегуляции и их детерминацию показывает, что в большинстве подходов выделяется один из аспектов саморегуляции: интеллектуальный контроль, эмоциональная или волевая регуляция, обсуждаются исполнительные контроли (исполнительные функции), фактически тождественные саморегуляции, указывается источник саморегуляции как интеллектуальный, личностный или энергетический ресурсы человека. Приведенные взгляды отечественных и зарубежных авторов, с нашей точки зрения, приводят к локализации процессов саморегуляции, где субъекту просто нет места. Тогда как, если говорить об активном выборе ситуаций, принятии решений, свободе воли, то без категории субъекта как центра саморегуляции обойтись невозможно. Упор на личностной (смысловой) составляющей в саморегуляции означает отождествление понятий субъекта и личности, что серьезно сужает разграничение содержательной и исполнительной составляющих (личности и субъекта) как двух единых, но разных сущностей.

Результаты исследований и верификация понятия

Контроль поведения в раннем возрасте

В лонгитюдном исследовании развития контроля поведения у детей младенческого возраста было обнаружено, что контроль поведения характеризуется возрастной динамикой развития, состоящей в усвершенствовании регуляторных процессов – улучшении когнитивного контроля и контроля действий, управления внимани-

Раздел 2

ем, улучшении эмоциональной регуляции, переходе к использованию проблемно- и социально-ориентированных стратегий контроля поведения, активном использовании речи в регуляции поведения. Развитие контроля поведения подчиняется определенным общим закономерностям. Континуальность в развитии контроля поведения обеспечивается как генетическими, так и средовыми факторами и проявляется в закономерном изменении содержания контроля поведения, соотношения компонентов контроля поведения, характера генетического и средового вклада. Принцип антиципации в развитии реализуется в кризисном характере развития контроля поведения, когда изменения, реорганизация в соотношении тех или иных психологических характеристик предшествуют явным изменениям в поведении (Виленская, Сергиенко, 2001; Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Однако было установлено, что этот процесс происходит неравномерно и нелинейно и имеет своеобразие у детей из групп биологического и психологического риска — монозиготных (МЗ) и дизиготных (ДЗ) близнецов (специфические стратегии компенсации регуляторного дефицита), поскольку средовые влияния специфично преломляются в индивидуальности детей, что соответствует основополагающему принципу, сформулированному С.Л. Рубинштейном: «Внешние причины действуют через внутренние условия».

Все три компонента контроля поведения развиваются взаимосвязанно, на каждом этапе обеспечивая возможность развития друг друга и подготавливая переходы на следующий уровень развития. Важным механизмом, обеспечивающим эти переходы, оказывается гетерохрония: не все компоненты одновременно достигают одного и того же уровня развития, за счет чего возможны компенсаторные отношения между ними.

Гетерохронность в развитии контроля поведения проявляется, в частности, в том, что наиболее рано складывается контроль действий (начиная со второго года жизни его показатели выше, чем показатели других компонентов контроля поведения во всех группах детей), затем складывается эмоциональный и когнитивный контроль. Опережающее становление контроля действий, опирающегося на внутренние цели и позволяющего действовать в соответствии с ними, способствующего осознанию себя как субъекта своих действий и причины изменений во внешнем мире, согласуются с представлениями большинства авторов о развитии субъектности (Божович, 2008; Сергиенко, 2016), о первом шаге на пути к ее развитию. Помимо этого, контроль действий обеспечивает условия для развития ко-

гнитивного контроля, расширяя поведенческий репертуар, позволяя более разнообразно манипулировать с объектами и перемещаться в пространстве, а также обеспечивая возможность выполнять сложную последовательность действий, реализующих определенные ментальные репрезентации. Развитие контроля действий создает условия и для развития эмоционального контроля, позволяя более свободно и разнообразно пользоваться такими стратегиями, как, например, переключение внимания (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Основная линия развития контроля поведения состоит в постепенном переходе контроля от взрослого (внешний контроль) к ребенку (самоконтроль), в процессе которого ребенок начинает все более самостоятельно управлять собственными эмоциями и состояниями. Кризисным в этом плане является возраст 18–24 мес., когда происходит реорганизация системы регуляции ребенка. Она обеспечивается, в первую очередь, интенсивным развитием речи и сложных когнитивных функций, а также отношений «родитель — ребенок», в частности, смещением акцента во взаимодействии с активности родителя на активность самого ребенка (Виленская, 2011; Сергиенко, Виленская, 2004; Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). В работах, рассматривающих онтогенез регуляции поведения, этот возраст также указывается как переходный от фазы внешнего контроля к фазе самоконтроля (Bridges, Grolnick, 1995; Calkins, 2004; Kopp, 1989).

Общие закономерности в воздействии внешних факторов на развитие контроля поведения (родительское воспитание) прослеживаются на разных уровнях (обобщенные оценки, экспертные оценки поведения, микроанализ стратегий контроля поведения).

Контроль поведения в своем развитии имеет двойную детерминацию. Модулятором развития процессов контроля поведения выступают индивидуальные особенности человека, в частности, такой индивидуальный «фильтр» средовых воздействий, как темперамент, вносящий вклад в индивидуальные различия эмоциональной регуляции, организации действий, когнитивных процессов (Виленская, Сергиенко, 2001; Bates, 1987; Pulkkinen, 2006; Rothbart et al., 2004; Strelau, Elias, 1994). Характеристики темперамента являются базовым образованием, определяющим индивидуальные возможности адаптации ребенка к окружению. Они выступают как внутренняя основа формирования регуляции поведения.

Однако темперамент проходит процесс настройки, адаптации, чему способствуют или препятствуют условия среды. Средовой фактор в развитии контроля поведения действует не прямо, а опосредуется

и изменяется индивидуальными особенностями ребенка, стиль поведения которого складывается в первые годы жизни.

Было выявлено, что наиболее адекватным стилем родительского воспитания для своевременного развития контроля поведения является эмоционально поддерживающее отношение к ребенку с одновременным присутствием четких правил, предъявляемых ребенку, и последовательности поведения родителей в отношении ребенка, которые задают детям четкие рамки поведения, опираясь на которые они могут развивать собственные регуляторные способности. Однако темперамент детей по-разному преломляет средовые воздействия, обеспечивая детям различную чувствительность к ним и, в свою очередь, видоизменяясь под их влиянием. Чувствительность детей к средовым воздействиям различается в зависимости от типа темперамента и биологических характеристик, таких как близнецовость/одиночность и зиготность. Стиль родительского воспитания может модифицировать проявление темперамента как способа адаптации к среде. Индивидуальные характеристики детей сказываются в выраженном своеобразии развития контроля поведения. Поведение родителей отражает это своеобразие, одновременно накладывая отпечаток на формирование индивидуальности детей, способствуя становлению определенного профиля контроля поведения. Стиль родительского воспитания может как способствовать развитию всех компонентов контроля поведения, так и тормозить развитие того или иного компонента (Виленская, 2012).

Все описанные процессы в перспективе ведут к формированию уникального профиля контроля поведения, дающего начало способу самоорганизации, определяющему субъекта, и саморегуляции поведения.

Контроль поведения в процессе адаптации к детскому учреждению

Различные возможности актуализации индивидуальных ресурсов, ведущие к формированию индивидуального профиля контроля поведения, показаны уже у детей раннего возраста в лонгитюдном исследовании Е. В. Вантеевой, выполненном под руководством Е. А. Сергиенко (Вантеева, 2013). Оно посвящено проблеме развития контроля поведения у дошкольников в процессе адаптации к детскому учреждению. Дети 3–4 лет изучались до посещения детского сада, через месяц и через год после начала посещения детского сада. Наряду с данными тестовых методик использовались экспертные оценки детей родителями и воспитателями.

На основании проведенного исследования можно заключить, что в процессе привыкания к детскому саду дети 3–4 лет демонстрируют индивидуальное своеобразие паттернов контроля поведения в адаптивном и дезадаптивном вариантах. Группы разной степени адаптации (адаптивная и дезадаптивная) были выделены на основе оценки психоэмоционального состояния детей по результатам анкеты родителей и структурированного наблюдения над детьми воспитателей в начале посещения детского сада. Взаимосвязь высокого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективной пластичности и уровнем аффективной экспансии отражает индивидуальный паттерн контроля поведения в адаптивной группе. В дезадаптивной группе выявлена взаимосвязь низкого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективных стереотипов и уровнем эмоционального контроля, что является паттерном контроля поведения трудно адаптирующихся детей.

Важно подчеркнуть, что данное исследование указывает не только на индивидуальную особенность адаптации ребенка к учреждению, но и позволяет анализировать слабые звенья дезадаптивного процесса, разрабатывать индивидуальные программы помощи детям с дезадаптивными вариантами контроля поведения, что приобретает особое значение в свете создания дошкольных образовательных программ.

Контроль поведения в дошкольном возрасте

Гетерохронность и переструктурирование взаимосвязей между компонентами контроля поведения наблюдается и на последующих возрастных этапах — в дошкольном и младшем школьном возрасте, т. е. в период интенсивного развития регуляторных функций. Была обнаружена гетерохрония в развитии как отдельных компонентов контроля поведения, так и в соотношении контроля поведения с другими функциями. Так, в лонгитюдном исследовании дошкольников 3–5 лет (Виленская, Лебедева, 2014) было обнаружено, что у детей между 3 и 4 годами наблюдается скачок в развитии контроля поведения — заметное улучшение показателей всех его компонентов, что, возможно, подготавливает аналогичный скачок в понимании ментального мира (модели психического), который наблюдается между 4 и 5 годами.

Наиболее важными компонентами в этом процессе оказываются контроль импульсивности (предшественник волевого контроля, подготавливающий регуляторное обеспечение для понимания ментального мира другого человека) и такой маркер эмоционального контроля, как тревожность, способствующая повышенному внима-

нию детей к социальным маркерам желаний, намерений и пр. других людей и приводящая к более быстрому становлению модели психического в этот возрастной период. Таким образом, развитие эмоциональной регуляции в среднем дошкольном возрасте до некоторой степени может быть обусловлено уровнем функционирования модели психического в младшем дошкольном возрасте. В свою очередь, развитие модели психического связано с более ранним уровнем когнитивного контроля и контроля действий. Гетерохрония, как внутрисистемная, так и межсистемная, способствует развитию и контролю поведения, и модели психического, позволяя рассматривать эти субъектные функции как взаимные ресурсы развития (Виленская, 2016).

Контроль поведения в подростковом и юношеском возрасте

Разработка представления о контроле поведения как индивидуальном ресурсе регуляции привела к гипотезе о связанности контроля поведения, психологических защит и совладающих стратегий поведения. На основе лонгитюдного исследования подростков (11–18 лет) в диссертационной работе И. И. Ветровой, выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, была показана тесная взаимосвязь всех составляющих защитного поведения и относительное постоянство контроля поведения, подтверждена связь контроля поведения и совладания со степенью приспособленности подростков и выраженностью их тревожности. Актуальные стратегии совладания связаны с когнитивной составляющей контроля поведения, а проактивные стратегии совладания — с эмоциональной составляющей. Проактивное совладание является более высоким уровнем совладающего поведения, практически оторванным от неосознаваемых защитных механизмов, но опирающимся в большей степени на регулятивную функцию субъекта — контроль поведения. С психологическими защитами наиболее связанным оказалось актуальное совладающее поведение (Сергиенко, Ветрова, 2011).

При сравнении разных видов защитного поведения и выраженности контроля поведения выявлена разная структура дифференциации стратегий совладания и защитных механизмов в группах с высоким и низким уровнем контроля поведения. В группе с высоким уровнем контроля поведения можно было выделить несколько согласованных блоков защитно-совладающего поведения: уход от решения проблемы с помощью защит и актуальных стратегий совладания, поиск поддержки на проактивном и актуальном уровне, превентивное преодоление, блокирующее защиты. В группе с низким уровнем контроля поведения при сохранении блока поиска поддержки,

идентифицируется еще один большой блок стратегий и защит, в котором доминируют рефлексивное преодоление и планирование решения проблем с опорой на защиты, которые, видимо, восполняют дефицит контроля поведения.

Представления о различной индивидуальной ресурсной способности подростков позволяют создавать адресные программы психологической помощи и коррекции, в которых они остро нуждаются, проходя критический этап психического развития, который становится определяющим во взрослой и самостоятельной жизни, где контроль поведения играет решающую роль во всех формах самореализации и эффективности профессиональной деятельности.

В дальнейшей работе исследовались возможности проактивного совладания, направленного на разрешение возможных трудных жизненных ситуаций у подростков (Ветрова, 2016). К проактивным стратегиям относятся: проактивное преодоление — процесс целеполагания, т. е. постановка важных для личности целей; рефлексивное преодоление — представления и размышления о возможных поведенческих альтернативах путем сравнения их эффективности; стратегическое планирование — процесс создания четко продуманного, целеориентированного плана действий; превентивное преодоление — предвосхищение потенциальных стрессоров и подготовка действий по нейтрализации негативных последствий до того, как наступит возможное стрессовое событие. Поиск инструментальной поддержки — получение информации, советов и обратной связи от непосредственного социального окружения человека в период совладания со стрессами и поиск эмоциональной поддержки, ориентированный на регуляцию эмоционального дистресса путем деления чувств с другими, также относят к проактивному совладанию (Старченкова, 2009). Анализ результатов показал, что наиболее связанным с контролем поведения оказалось проактивное совладание, причем реализация этого более высокого уровня совладающего поведения заметно больше сопряжена именно с эмоциональной составляющей контроля поведения, направленной на регуляцию эмоционального состояния в возможных трудных жизненных ситуациях, опирающейся именно на эмоциональные ресурсы. Из актуальных копинг-стратегий наиболее связанными с контролем поведения оказались стратегии, направленные на разрешение трудных жизненных ситуаций и их избегание, что может свидетельствовать о том, что контроль поведения, преимущественно когнитивная его составляющая, является ресурсной основой для реализации совладающего поведения в актуальной трудной жизненной ситуации. Пси-

психологические защиты наименее связаны с контролем поведения, и большая часть выявленных связей носит компенсаторный характер. В проактивном совладании как сознательном усилии по изменению ситуации наиболее активно реализуется именно субъектная регулятивная функция – контроль поведения. Вклад неосознаваемых защитных механизмов в проактивное совладание оказался незначительным (Сергиенко, Ветрова, 2011).

Таким образом, можно предположить, что выдвинутая нами гипотеза о связанности контроля поведения, психологических защит и совладающих стратегий поведения нашла свое подтверждение при исследовании подросткового периода.

Контроль поведения у подростков исследовался также в диссертационной работе М. Климовой (2018), выполненной под руководством Д. Циринг, где было показано, что у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью уровень развития контроля поведения и его строение различаются. У подростков с личностной беспомощностью компоненты контроля поведения разрознены, а эмоциональный и волевой контроль имеют обратные взаимосвязи. У самостоятельных подростков все компоненты контроля поведения взаимосвязаны между собой и образуют целостную согласованную структуру.

Генетико-молекулярные предикторы контроля поведения при родовом стрессе

Существует тесная взаимосвязь между развитием психических расстройств, психосоматических заболеваний и негативными переживаниями родового стресса. Родовой стресс носит психофизиологический характер, в условиях его переживания личность использует психологические защитные механизмы. Вследствие развития патологии родовой деятельности происходит нарушение гомеостаза в женском организме и, как следствие, психической регуляции поведения субъекта в процессе родов. Индивидуальные различия в уровне стрессоустойчивости к процессу деторождения, являющегося основной психологической готовности к родам, в процессе онтогенеза детерминируются внутренними и внешними условиями среды. В связи с этим диагностика психологической готовности к родам способствует более точному прогнозированию и выявлению проблем адаптации женщин к течению беременности и оценке их влияния на женское психическое здоровье.

В работе Н. Н. Чистяковой, выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, при сравнении женщин группы риска и женщин

с благополучным течением беременности на предродовых сроках беременности с применением психологических и генетико-молекулярных методов исследования было показано, что гомозиготные генотипы CC и VV минералокортикоидного рецептора NR3C2 и генотип SS глюкокортикоидного рецептора NR3C3 выступают как факторы риска развития низкого контроля поведения в период беременности, что может провоцировать деструктивное развитие системы «Мать—Плод» при повышенной чувствительности к кортикостероидам. Полученные генетико-молекулярные предикторы организации контроля поведения дают возможность проводить комплексную диагностику течения беременности и индивидуальное психологическое сопровождение беременности и подготовки к родам (Чистякова, Савостьянов, Сергиенко, 2013). Женщины в ситуации ожидания родов (стрессовой ситуации) демонстрировали разный уровень индивидуальных ресурсов (генетико-молекулярное своеобразие, выраженное в повышенной чувствительности к кортикостероидам). Следовательно, внутренние ресурсы выступали как основа снижения жизнеспособности в стрессовой ситуации предстоящих родов.

Результаты данной работы, хотя прямо и не отвечают на вопрос о способах преодоления предродового стресса, но дают важное обоснование роли генетико-молекулярных предикторов в развитии контроля поведения, который выступает основой дезадаптации течения беременности и роста предродового стресса.

Семейная регуляция трудных жизненных ситуаций (на примере беременности)

Исследование контроля поведения в пренатальный период, проведенное Ю. В. Ковалевой под руководством Е. А. Сергиенко (Ковалева, 2006; Ковалева, Сергиенко, 2007), основывалось на общем предположении, что течение беременности связано со способностью женщины к организации собственного поведения в этот период. Поведенческие стратегии при этом определяются контролем поведения, под которым подразумевается психический уровень регуляции поведения как системное объединение когнитивных, эмоциональных и волевых процессов, направленных на достижение цели — рождение здорового и эмоционально близкого ребенка.

Было показано, что интегративная характеристика индивидуальности — контроль поведения — определяет качественное своеобразие реализации поведения, направленного на достижение цели. В трудной жизненной ситуации (беременность) эффективную стратегию

Раздел 2

поведения и благополучное вынашивание ребенка обеспечивает высокий общий уровень саморегуляции поведения, где наибольший вес имеют процессы моделирования, оценки результата и программирования, эмоциональная устойчивость и экономная волевая регуляция.

В описываемом исследовании также впервые был проведен анализ семейных показателей, связанных с регуляцией поведения. В анализе были задействованы данные по трем поколениям семьи: беременных, их матерей (будущих бабушек) и детей после рождения в первый год жизни. Совместно с переменными контроля поведения изучались представления беременных о родительском отношении в детстве, а также показатели психического развития (уровень ментального развития и темпераментальные характеристики) их новорожденных детей в первый год жизни. В результате было показано, что неосложненное вынашивание и, соответственно, более согласованный и развитый контроль поведения связаны с представлениями о поддерживающем и принимающем родительском отношении в детстве. Своеобразие и репертуар поведенческих возможностей детей, рожденных после благополучной и неблагополучной беременности, свидетельствует о различном пренатальном опыте, который соотносится с особенностями организации поведения их матерей во время беременности.

За последние годы в различных исследованиях были получены данные о том, что у супружеской диады в период ожидания ребенка происходит специфическая для этой ситуации координация различных характеристик, в том числе связанных с регуляцией поведения. К ним относятся: локус контроля, составляющие контроля поведения, копинг-стратегии и психические состояния. Координация имеет характер как прямого позитивного согласования, так и компенсационной. Под компенсацией понимается перераспределение ресурса, когда реализация необходимого поведения осуществляется за счет использования возможностей партнера по ситуации (Ковалева, 2009). Также была показана специфика организации регуляторного ресурса супругов, находящихся на различных этапах жизненного цикла семьи (до рождения ребенка, во время ожидания первого и второго ребенка). Установлена сопряженность между семейной сплоченностью и способом согласования переменных контроля поведения супругов на каждом из этапов цикла. Так, стресс первой беременности сопровождается как дезинтеграцией в регуляторных ресурсах супругов, так и более напряженной динамикой отношений (Ковалева, 2012, 2013).

***Контроль поведения
и травматичный опыт аборта***

Изучение механизмов психической адаптации женщин с травматичным опытом искусственного прерывания беременности было проведено Т.С. Миковой под руководством Е.А. Сергиенко. В качестве адаптивных механизмов поведения рассматривались контроль поведения, механизмы психологической защиты и совладания. Были выявлены уровневые особенности составляющих контроля поведения в обеих группах испытуемых. Установлено, что травмированные женщины отличаются низким уровнем когнитивного и произвольного контроля, тогда как для нетравмированных испытуемых характерны высокая когнитивная пластичность и способность беспрепятственного осуществления своих намерений в достижении цели. Эмоциональный контроль в обеих группах осуществляется на среднем уровне.

Также было установлено, что испытуемые исследуемых групп выбирают различные пути преодоления трудностей: для женщин с травматичным опытом характерно использование бессознательных механизмов защиты психики и сознательных способов совладания, которые отличаются эмоционально-ориентированным и дезадаптивным характером. Женщины без травмы в большинстве случаев прибегают к продуктивному проблемно-ориентированному стилю совладания.

В обеих группах испытуемых было выявлено своеобразие соотношения адаптивных механизмов поведения. Выяснилось, что женщины без травмы отличаются тесными связями контроля поведения, психологических защит и совладания, в большинстве случаев имеющих компенсаторный характер, предпочтение отдается нескольким наиболее продуктивным стратегиям. Для травмированных женщин характерна система многочисленных связей между изучаемыми показателями с меньшими компенсаторными возможностями, что не способствует успешному совладанию, а лишь усиливает общее психическое напряжение субъекта. Женщины с травмой после аборта отличаются несогласованной системой контроля поведения, использованием деструктивных способов защиты и совладания, а также слабыми компенсаторными связями между этими адаптивными механизмами. Таким образом, у женщин с травматичным опытом прерывания беременности была выявлена дефицитарность контроля поведения в отличие от женщин без подобного опыта (Сергиенко, Микова, 2011).

Контроль поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности

В диссертационной работе Н. С. Павловой (Терехиной), выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, изучалась взаимосвязь контроля поведения и субъективного благополучия людей различных профессий. Показано, что респонденты обеих групп: люди со строгой регламентацией деятельности (летчики ВВС – 44 человека) и люди с нерегламентированной профессиональной деятельностью (фрилансеры, художники, преподаватели, научные сотрудники – 40 человек), удовлетворены своей жизнью. Но достигают они субъективного благополучия разными путями. У представителей регламентированных профессий большую роль в регуляции поведения играют субъектные характеристики, в то время как у людей, самостоятельно регулирующих свою профессиональную деятельность – характеристики личности. Между субъектными и личностными характеристиками наблюдается большая интеграция при отсутствии строгой регламентации трудовой деятельности, в то время как у представителей регламентированных профессий отмечаются более тесные связи между отдельными параметрами. У людей нерегламентированных профессий субъективное благополучие взаимосвязано с субъективным возрастом, эмоциональной регуляцией и гибкостью как свойством саморегуляции (когнитивным компонентом контроля поведения). В группе военных летчиков субъективное благополучие является обособленным конструктом и не имеет связей с оценкой своего возраста и контролем поведения. Контроль поведения у летного состава ВВС отличается большей интегрированностью компонентов по сравнению с людьми «свободных» профессий. Самовосприятие возраста у летчиков в большей степени взаимосвязано с когнитивным компонентом, а в контрольной группе – с эмоциональным компонентом контроля поведения (Павлова, Сергиенко, 2016). Поскольку строгая регламентированная профессиональная деятельность летчиков сопряжена с постоянным стрессом и высокой ответственностью, то особенности согласованности составляющих контроля поведения выступают внутренней основой их субъектной регуляции.

Исследование контроля поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности может рассматриваться как попытка сопоставить взаимодействие внутренних ресурсов с внешними условиями. При жесткой регламентации деятельности контроль поведения оказался более согласованным в своих

составляющих (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция и волевой контроль), но в меньшей степени связанным с субъективным благополучием и личностными ориентирами, тогда как люди нерегламентированных профессий в большей степени подчиняют свое поведение эмоциональной регуляции и личностным смыслам, т. е. ориентируется в большей степени на внутренние координаты своей профессиональной деятельности. Это может быть обусловлено тем, что жизнь людей нерегламентированных профессий тесно связана с самоорганизацией. От того, как они смогут построить свою работу, будет зависеть и успех выполняемой деятельности, и материальный достаток, и дальнейшее профессиональное развитие и т. д. Поэтому регуляция своего поведения в рамках данных профессий приобретает особую значимость и оказывается напрямую связанной с удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем и субъективным возрастом (Павлова, Сергиенко, 2016).

В изучении эмоционального интеллекта как способности к эмоциональной регуляции было показано, что продуктивное совладание, как и более высокая саморегуляция и субъективное экономическое благополучие, в большей мере наблюдается у людей с высокими показателями эмоционального интеллекта (Киселева, Сергиенко, 2015).

Перспективы развития понятия

Среди нерешенных вопросов и перспектив исследования контроля поведения отметим, что мало еще известно о профилях контроля поведения, индивидуальных вариантах его формирования. Не вполне ясно, как соотносится контроль поведения с личностными особенностями. Исследования взаимодействия контроля поведения как регулятивной субъектной функции и модели психического как когнитивной субъектной функции имеют большие перспективы, а о взаимосвязях его с коммуникативной функцией субъекта практически ничего не известно. Недостаточно информации о развитии контроля поведения в младшем школьном, предпубертковом и младшем подростковом возрасте, его изменении в период взрослости. Не вполне понятна природа и механизмы гетерохронии компонентов контроля поведения. Вопрос о предикторах контроля поведения также пока не решен. Насущной проблемой является разработка методов диагностики контроля поведения в разных возрастах, как и методик его коррекции. Варианты отклоняющегося развития контроля поведения также еще практически не исследованы.

Заключение

Контроль поведения – новое понятие, которое расширяет знание о регуляции и саморегуляции. Представление о контроле поведения как базовой основе регуляции сформировалось как попытка обоснования интегративного конструкта субъектной регуляции. Рассмотренные нами концепции и подходы к психической регуляции поведения и деятельности показывают, что понятие контроля поведения не сводится только к понятию саморегуляции, или регуляции психических состояний. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целью и задачами (внешними и внутренними). Показано также отличие контроля поведения как основы субъектной регуляции от близкого понятия жизнеспособности, где акцент в большей степени ставится на высокоуровневых процессах самоорганизации, тогда как контроль поведения лежит в их основе и становится индивидуальным психологическим механизмом адаптивного поведения на всем протяжении развития субъекта.

Представленная кратко верификация данного конструкта показывает его преимущество относительно других моделей регуляции и саморегуляции, поскольку он обладает потенциалом интерпретации сложных поведенческих изменений в онтогенезе и особенностях жизнедеятельности. Кроме того, попытка обоснования интегративного понятия, вбирающего разные стороны психической организации, актуализируемые в индивидуальной регуляции, соответствует современным тенденциям по поиску обобщающих моделей психической регуляции.

Литература

- Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Смысл, 2001.
- Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.
- Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М.: Смысл, 1999. С. 284–298.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции

- Вантеева Е. В.* Контроль поведения у детей дошкольного возраста в период адаптации к детскому саду // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.05.2015).
- Веккер Л. М.* Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Ветрова И. И.* Контроль поведения как фактор проактивного совладающего поведения в подростковом возрасте // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 419–440.
- Виленская Г. А.* Родительское поведение в раннем возрасте как фактор развития контроля поведения // Вестник РГНФ. № 1. 2011. С. 122–130.
- Виленская Г. А.* Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–508.
- Виленская Г. А.* Гетерохрония на ранних этапах развития контроля поведения // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 319–338.
- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 38. С. 5.
- Виленская Г. А., Сергиенко Е. А.* Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте // Психол. жур. 2001. Т. 22. № 3. С. 68–85.
- Выготский Л. С.* Проблемы развития психики // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983.
- Дикая Л. Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Иванников В. А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
- Киселева Т. С., Сергиенко Е. А.* Эмоциональный интеллект как фактор эффективности жизнедеятельности человека // Бизнес-анализ и поведенческая экономика: Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. М.: Тезаурус, 2015. С. 151–161.
- Климова М. О.* Особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью: Дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2018.

Раздел 2

- Ковалева Ю. В.* Регуляция поведения в семье во время беременности // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 1. № 1. С. 135–142.
- Ковалева Ю. В.* Изучение субъектной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябкина, Е. А. Сергиенко. М., 2009. С. 466–482.
- Ковалева Ю. В.* Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психол. жур. 2012. Т. 33. № 5. С. 50–70.
- Ковалева Ю. В.* Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 417–437.
- Ковалева Ю. В., Сергиенко Е. А.* Контроль поведения при различном течении беременности // Психол. жур. 2007. Т. 28. № 1. С. 70–82.
- Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Корнилова Т. В.* Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: ПИ РАО, Сев-КавГТУ, 2007. С. 181–194.
- Корнилова Т. В.* Отношение человека к неопределенности и интеллект в становлении его личностных структур и регуляции выборов // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 220–239.
- Лазарус А.* Краткосрочная мультимодальная психотерапия. СПб.: Речь, 2001.
- Лактионова А. И.* Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Лактионова А. И.* Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. С. 109–126.
- Леонтьев Д. А.* От инстинкта к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 4–12.
- Леонтьев Д. А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломо-

Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции

носова. Вып. 2 / Под ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85–105.

Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 12–42.

Леонтьев Д. А., Овчинникова У. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

Либина А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008.

Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Махнач А. В. Жизнеспособность человека и измерение совладания // Психология стресса и совладающего поведения: Материалы III Международной научно-практической конференции. Кострома, 26–28 сент. 2013. В 2 т. / Отв. ред.: Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Т. 2. С. 289–291.

Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2016.

Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.

Мурзиев И. Х., Прохоров А. О. Особенности регуляции психических состояний в трудных жизненных ситуациях // Психология психических состояний / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2002. С. 275–283.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.

Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъективная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 36. № 2. С. 43–56.

Петровский В. А. Саморегуляция в структуре индивидуальности: кто субъект, кто объект, кто посредник? // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: Изд-во ПИ РАО–СевКавГТУ, 2007. С. 151–171.

Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы и закономерности. М.: Пер Сэ, 2005.

Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Раздел 2

- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Сергиенко Е. А.* Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 13–29.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования: электр. науч. жур. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2018).
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. жур. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А.* Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–116.
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.* Соотношение контроля поведения, совладания и психологических защит // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 275–296.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А.* Динамика изменений раннего психического развития: психогенетический и онтогенетический аспекты // Вестник РГНФ. 2004. № 4 (37). С. 105–117.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е. А., Микова Т. С.* Психологическая адаптация женщин с травматическим опытом искусственного прерывания беременности // Психолог. 2011. Т. 32. № 4. С. 70–83.
- Смирнов С. Д.* Прогностическая активность как способ существования и развития образа мира // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 240–258.
- Смирнова Е. О.* К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 9–15. doi:10.17759/chp. 2015110302
- Старченкова Е. С.* Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Вып. 2. Ч. 1. С. 198–205.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981–1982 уч. году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.

Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции

- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Учебное пособие. М.: Пер Сэ, 2002.
- Чистякова Н. В., Савостьянов К. В., Сергиенко Е. А.* Эндогенные механизмы когнитивного контроля в регуляции функциональной системы «Мать–Плод» // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 28. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.02.2014).
- Шапкин Е. А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997.
- Bates J. E.* Temperament in infancy // Handbook of Infant Development / Ed. J. F. Osofsky. N. Y., 1987. P. 1101–1149.
- Baumeister R. F., Schmeichel B. J., Vohs K. D.* Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent // Social psychology: Handbook of basic principles / Eds A. W. Kruglanski, E. T. Higgins. 2007. P. 516–539.
- Bridges L. J., Grolnick W. S.* The development of emotional self-regulation in infancy and early childhood // N. Eisenberg (Ed.). Review of Personality and Psychology. Newbury Park, CA, 1995. P. 185–211.
- Calkins S. D.* Early attachment processes and the development of emotional self-regulation // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.–London: The Guilford Press, 2004. P. 324–339.
- Eisenberg N., Smith C. L., Sadovsky A., Spinrad T. L.* Effortful control: relations with emotion regulation, adjustment and socialization in childhood // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.–London: The Guilford Press, 2004. P. 259–282.
- Goschke T.* The 1st Zeigarnik lecture: Control dilemmas in voluntary action or have we banished the homunculus from theories of cognitive control? // Третья Международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов: В 2 т. Москва, 20–25 июня 2008 г. М.: Художественно-издательский центр, 2008. Т. 1. С. 16–18.
- Gross J. J.* Emotion regulation: Conceptual and empirical foundations // J. J. Gross (Ed.). Handbook of emotion regulation (2nd ed.). N. Y.: Guilford, 2014. P. 3–20.
- Kopp C. B.* Regulation of distress and negative emotions: a developmental view // Developmental Psychology. 1989. V. 25. № 3. P. 343–354.
- Kuhl J., Fuhrmann A.* Decomposing self-regulation and self-control: The volitional components checklist // J. Heckhausen, C. Dweck (Eds). Life span perspectives on motivation and control. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 1998. P. 15–49.
- Larsen R. J., Prizmic Z.* Affect regulation // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.–London: The Guilford Press, 2004. P. 40–61.

Раздел 2

- Lazarus R.* Stress and emotion: A new synthesis. Free association book. London, 1999.
- Mandler G.* Mind and emotions. N. Y.: John Wiley, 1975.
- Plutchik R.* A general psychoevolutionary theory of emotion // Emotion: Theory, research and experience / R. Plutchik, H. Kellerman (Eds). N. Y.: Academic Press, 1980. V. 1. P. 3–33.
- Psychology of self-regulation: cognitive, affective and motivational processes / J. P. Forgas, R. Baumeister, D. M. Tice. N. Y.: Psychology Press, 2009.
- Pulkkinen L.* Self-Control and Continuity from Childhood to Late Adolescence // Life-Span Development and Behaviour. 1992. V. 4. P. 84–105.
- Pulkkinen L.* The Jyväskylä longitudinal study of personality and social development (JYLS) // Socioemotional development and health from adolescence to adulthood. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 29–55.
- Pulkkinen L.* Life success of male on nonoffender, adolescence-limited, persistent and adult-onset antisocial pathways: follow-up from age 8 to 42 // Aggressive behavior. 2009. V. 35. P. 1–19.
- Pullkinen L., Feldt T., Kokko K.* Personality in young adulthood and functioning in middle age // Middle adulthood: a lifespan perspective / S. L. Willis, M. Martin (Eds). Sage Publications, 2009. P. 99–141.
- Rothbart M. K.* Temperament and development // Temperament in Childhood. Chichester, 1989. P. 187–249.
- Rothbart M. K., Ellis L. K., Posner M. I.* Temperament and self-regulation // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / R. F. Baumeister, K. D. Vohs (Eds). The Guilford Press. N. Y.—London, 2004. P. 357–370.
- Strelau J., Elias A.* Temperament risk factors for type a behaviour pattern in adolescents // Prevention and early intervention individual differences as risk factors for the mental health of children / W. B. Carey, S. C. McDevitt (Eds). N. Y.: Brunner—Mazel, 1994. P. 42–49.
- Zelazo P. D., Carlson S. M.* Hot and cool executive function in childhood and adolescence: Development and plasticity // Child Development Perspectives. 2012. № 6. P. 354–360.
- Zelazo P. D., Frye D.* Cognitive complexity and control: A theory of the development of deliberate reasoning and intentional action // Language structure, discourse and the access to consciousness / M. Stamenov (Ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 113–153.